

Хотя с тех пор, как Цюэ Цю попал в этот мир, кроме краткого контакта с омегой по имени Дун Куй на «Алибизе», у него не было возможности более глубоко общаться с другими омегами и по-настоящему с ними сблизиться, но, казалось, он уже понял, почему в устах альф и бет омеги всегда ненавидели их и вели себя высокомерно и избалованно.

— Никто не любит тех, кто их принуждает, — сказал Цюэ Цю. — Ваши привилегии для них... для нас — это действительно бескорыстные привилегии или, под именем «привилегий», фактически лишь форма компенсации?

Цюэ Цю изменил «них» на «нас» в середине фразы, потому что школьный врач только что включил его в число двадцати семи студентов-омег академии. И именно в этот момент он внезапно осознал, что независимо от того, принимал он это или нет, люди этого мира уже давно считали его одним из омег.

Иными словами, они рассматривали его и их вместе как некий ценный ресурс.

Пока он находился в обществе, созданном этой огромной Империей, он ничем не отличался от других омег. Возможно, вскоре его тоже начнут «использовать».

Даже если он скажет, что он бракованный омега, без целительских способностей или растительных генов, не способный выделять феромоны, его, вероятно, всё равно заставят дежурить.

В конце концов, как бы то ни было, он же редкий и ценный «омега».

Ответ школьного врача подтвердил мысли Цюэ Цю, его первоначальные догадки были верны: омеги на поверхности казались блистательными, а на самом деле являлись лишь специфическим лекарством от генетической болезни.

На его нынешний вопрос школьный врач не ответил прямо, сказав:

— Ты не первый, кто так говорит, маленький омега. Вы всегда очень наивны и эгоистичны. При малейшей обиде думаете, что мир рушится. Всегда хотите получать привилегии, но не желаете отдавать что-то Империи...

Школьный врач повернулся, на его лице показалось выражение крайнего разочарования.

— Ты знаешь, какова рождаемость омег в Империи? Ты знаешь, сколько ресурсов Империя выделяет этой самой малочисленной группе? Мы лишь просим вас отдать такую малость, а вы не хотите. Разве это не несправедливо по отношению к нам, альфам и бетам, не получившим привилегий? Вы теряете лишь ту малую, даже ничтожную свободу, а альфы и беты теряют здоровье, достоинство и даже жизнь.

Столкнувшись с обвинениями школьного врача, Цюэ Цю усмехнулся.

Так называемые привилегии и ресурсы в его устах были, по его мнению, всего лишь подарками с обозначенной ценой — сладкой оболочкой, скрывающей тайную и холодную клетку.

Цюэ Цю не хотел оставаться здесь дальше. Он не желал быть объектом пристального внимания и требований.

Он редко испытывал лишние эмоции, потому что в процессе роста растений они не были нужны и тратили энергию.

Но на этот раз, перед уходом, с редкой лёгкой злостью, нахмурившись, Цюэ Цю холодно бросил школьному врачу фразу:

— Причиной того, что альфы и беты теряют всё, о чём вы говорите, являются вовсе не омеги. Омеги тоже никогда не были наивными эгоистами. Не оставляйте мне ваши стереотипы и меньше требуйте от других омег.

Сказав это, он ушёл из медпункта, не оглядываясь.

Возможно, это был не первый раз, когда омега оскорблял его в лицо, школьный врач к этому уже привык. Он просто опёрся на подоконник и в пустой комнате ожидания пробормотал сам себе:

— Не в первый раз... В конце концов, все вы, омеги, такие.

Он думал, что этот красивый омега будет более понимающим, но, к его удивлению, у него также оказался скверный характер.

«Ничего, ведь они омеги...» — утешал себя школьный врач.

Раньше в таких ситуациях он мог относиться спокойно, но только столкнувшись с холодностью Цюэ Цю, почему-то почувствовал разочарование.

Школьный врач собрался с духом и, понутив голову, подошёл к двери комнаты отдыха, постучал и сказал альфе внутри:

— Если ты проснулся, можешь сейчас возвращаться. С твоим телом всё в порядке. Хорошо отдохни несколько дней, старайся не слишком волноваться. Кстати, в ближайшие дни не забывай ежедневно приходить на проверку.

Фиго молча оделся, вышел, кивнул школьному врачу и, не сказав ни слова, покинул медпункт.

Цюэ Цю ушёл не так давно, и на дороге от медпункта, казалось, всё ещё оставался его тёплый аромат.

Альфа-тигр растерянно поднял голову, в его обычно величественных звериных глазах теперь читалась растерянность.

Он словно заблудившийся ребёнок, не способный найти дорогу домой, бесцельно бродил по академии, позволяя проходящим студентам смотреть на него странными взглядами или тихо обсуждать за его спиной связанные с ним слухи.

Мозг Фиго пребывал в хаосе, но, подумав о Цюэ Цю, его цель постепенно прояснилась.

Почему-то сейчас он хотел только быть рядом с этим омегой. Казалось, только рядом с ним его запутанные, готовые взорваться мысли становились яснее.

Он поднял голову, осматриваясь в поисках фигуры молодого человека.

Но её нигде не было, он не мог найти...

Он не мог найти омегу.

Фиго внезапно погрузился в огромный ужас. Он даже не смел сделать следующий шаг. Казалось, со всех сторон разверзлись кровавые пасти, и стоило ему пошевелиться, как те окровавленные, источающие зловоние белые зубы в следующее мгновение набросятся, разорвут и проглотят его.

Ему было ужасно страшно, высокий альфа-тигр дрожал от страха.

Вдруг за спиной раздался знакомый приятный голос:

— Фиго? Что ты здесь делаешь?

Фиго взволнованно обернулся и, увидев Цюэ Цю, от радости даже неосознанно пролил две горячие слезы.

Казалось, он больше не мог сдерживаться. Увидев Цюэ Цю, он с обидой опустил свою большую голову на плечо омеги и тихо всхлипнул:

— Почему? Почему он даже не захотел дождаться конца проверки? Почему обязательно нужно

было немедленно казнить капитана?

Фиго не знал, как выплеснуть свою внутреннюю боль, он лишь повторял одно и то же. И в этих словах он словно снова вернулся в тот момент, когда видел, как его близкого товарища застрелил Ань Вэйжань.

Что касалось этого дела, Цюэ Цю лишь в общих чертах услышал от Ань Вэйжана, не зная всех подробностей. Но вне сомнения, в том инциденте, помимо казнённого Ань Вэйжанем альфы с проявившейся генетической болезнью, больше всех пострадал, вероятно, именно этот альфа-тигр перед ним.

Хотя они провели вместе не так много времени, Фиго всегда проявлял себя как оптимистичный, открытый и заслуживающий доверия человек. Цюэ Цю совершенно не мог представить, что он будет таким, как сейчас — зарывшимся в его плечо, горько рыдавшим, словно ребёнок, потерявший самую ценную игрушку.

— Ничего страшного, ничего, — тихо успокаивал его Цюэ Цю. — Если хочешь плакать — плачь. Я отведу тебя в комнату.

Нежный голос омеги, словно колыбельная матери, легко успокоил вышедшего из-под контроля альфу. Даже его плечи перестали так сильно вздрагивать от рыданий.

Академия, где постоянно ходили люди, была не самым подходящим местом для общения. Поэтому Цюэ Цю сначала отвёл Фиго в общежитие. Высокий и мощный альфа-тигр, словно прилипчивый щенок, держался за его одежду и неотступно следовал за ним.

К счастью, в комнате никого не было. Тан Бутянь и Сюй Фэн, вероятно, ещё не вернулись с тренировочного поля, что позволило избежать неловкой ситуации при большом скоплении людей. Цюэ Цю спросил Фиго, хочет ли он вернуться в свою спальню или пойти в его, альфа шмыгнул носом и, не раздумывая, указал на его спальню.

— Заходи. — Цюэ Цю, словно ведя потерявшегося ребёнка, привёл Фиго в свою спальню и усадил на мягкий матрас. — Хочешь пить?

Фиго покачал головой, его голос после плача был хриплым:

— Не нужно.

Цюэ Цю придвинул стул и сел напротив него, стараясь смотреть прямо в глаза, чтобы парень чувствовал себя в безопасности и мог ему доверять.

— Можешь рассказать, что именно произошло на той итоговой проверке?

Если бы это был кто-то другой, Фиго точно не стал бы так легко открываться. Но Цюэ Цю отличался, перед ним он был готов подставить самое мягкое брюшко, показать свою уязвимую внутреннюю часть.

Услышав вопрос, Фиго словно снова вернулся на задымлённое поле боя. В этом пространстве и времени он, казалось, снова стал тем испуганным абитуриентом, съёжившимся в сыром углу, беспомощно наблюдающим, как тот альфа-снежный волк уровня S поднимает пистолет и безжалостно казнит товарища, с которым он бок о бок проводил дни.

Тёплая кровь, смешанная с жёлто-белым мозгом, брызнула ему на лицо. В его глазах, казалось, оставался лишь ярко-красный цвет и медленно падающий товарищ.

На лбу товарища зияла чёрная дыра, а обожжённая кожа вокруг источала запах горелого жира, смешанный с отвратительным запахом крови. Едкий, неконтролируемый поток ворвался в ноздри, заставив Фиго тут же вырвать. Желудочная кислота разъедала пищевод и рот, но кроме боли, по сути, ничего не выходило.

Товарищ с грохотом упал перед ним, в глазах застыли страх и отчаяние, а при падении поднялись клубы пыли.

Когда пыль рассеялась, измученный Фиго, лёжа на земле, поднял голову и увидел чёрный, всё ещё дымящийся ствол пистолета.

Тот пистолет был направлен в сторону, где только что упал товарищ. До этой секунды никто из них не думал, что главный инструктор, обещавший привести их всех живыми и здоровыми обратно в академию, направит оружие на своего ученика.

— Я спросил его, как только что тебя, зачем он убил капитана? Погибший альфа был капитаном нашего отряда. Знаешь, что ответил мне Ань Вэйжань? Он убрал пистолет и холодно сказал: «Так как у него проявилась генетическая болезнь, его нужно немедленно казнить». Но... но если бы капитан не защищал меня, он бы не отстал от основных сил. Тем более он бы не получил ментальное перенапряжение из-за непрерывных интенсивных боев, и тогда бы он не...

Слезы Фиго капали одна за другой, падая с лёгким шумом на тёмные рабочие штаны, делая ткань вокруг ещё более тёмной от влаги.

Он опустил голову, не желая, чтобы Цюэ Цю видел печаль в его глазах, и не хотел, чтобы тот считал его слабым и беспомощным альфой.

— Если бы не я, у капитана не проявилась бы генетическая болезнь... До того, как заразиться этой проклятой генетической болезнью, капитан всегда защищал меня. Помимо уничтожения зергов, его оружие никогда не было направлено на невинных людей. Даже когда у него проявилась генетическая болезнь, он ещё не успел никому причинить вред, как был

безжалостно застрелен Ань Вэйжанем.

Цюэ Цю спокойно слушал, не говоря лишних слов.

Фиго сжал кулаки. Хотя прошло уже более ста дней и ночей, тот разговор с Ань Вэйжанем по-прежнему ясно запечатлелся в его памяти. Теперь, снова извлекая его, он все ещё был ужасающе свежим, словно картина, которая произошла только вчера.

— Я застыл на месте, чувствуя, как лицо Ань Вэйжана постепенно искажается, превращаясь в демона, пренебрегающего жизнями. Кто он такой? Справедливый и неподкупный великий судья? Или единоличник диктатор? С чего это он может без малейших угрызений совести убивать своих учеников?! Он даже перед всеми студентами боевого факультета нашего набора говорил, что капитан — самый выдающийся студент, которого он когда-либо обучал! Даже когда у капитана проявилась генетическая болезнь, он никогда бы не подумал, что учитель убьёт его! Он доверил Ань Вэйжаню свою спину, но в итоге дождался лишь беспощадного выстрела!

К этому моменту эмоции Фиго полностью вышли из-под контроля. Он закрыл лицо руками, его плечи сильно вздрагивали. Даже собрав все силы, он не мог сдержать непрекращающиеся рыдания.

— Я бросился на Ань Вэйжана, желая убить его, но он вообще не принял меня всерьёз. Он даже не взглянул на тело капитана, просто перешагнул через него! Почему, почему генетическая болезнь досталась капитану, почему не мне?!

Фиго в муке бил себя по голове. Он не мог простить себя за то, что не спас невинно погибшего капитана, и ненавидел себя за неспособность отомстить за него.

Увидев это, Цюэ Цю слегка наклонился вперёд и мягко обнял его.

— Это не твоя вина. Не наказывай себя за то, что уже прошло.

Кончики пальцев Цюэ Цю собрали немного чисто золотого свечения, и он передал его в тело Фиго.

Та духовная энергия, исходящая от канареечной розы и символизирующая жизненную силу, быстро проявила своё действие, влившись в быстро текущую кровь альфы и разнесясь по всему телу.

Проходя через каждое место, если встречалось препятствие, эта сила осторожно промывала узлы, постепенно сглаживая и открывая их.

Если были мелкие раны и трещины, она мягко заполняла их.

Вскоре под воздействием духовной силы Цюэ Цю настроение Фиго успокоилось. Альфа-тигр прекратил наносить себе увечья, обессиленно упав в объятия омеги и беззвучно заплакав.

Цюэ Цю наклонил голову, с жалостью глядя на Фиго.

Вероятно, именно из-за этого случая альфа остался на второй год.

Он не ожидал, что процесс и результат того инцидента окажутся такими трагичными, и уж тем более не думал, что трудности, с которыми сталкивались альфы, будут гораздо серьезнее, чем он представлял.

Никто из жителей района Доцао не хотел отказываться от Ань Цзеле — по крайней мере, до того как его окончательно признали неизлечимым. Даже когда позже пришлось избавиться от него, его лишь отправили в пустыню Тёмной планеты на произвол судьбы.

Возможно, жители района Доцао также питали нереальную надежду, что Ань Цзеле, превратившийся в зверолода, сможет выжить в центре пустыни, даже если такого прецедента никогда не было.

В военной академии Тёмной планеты, как Цюэ Цю узнал, если генетическая болезнь проявлялась, её носителя казнили на месте. Даже если показатели просто превышали норму, его немедленно отправляли в лечебное отделение для вмешательства.

Если бы не твёрдая поддержка Ань Вэйжяня, Фиго сейчас, возможно, уже был бы в собачьем наморднике, наручниках и кандалах, заперт в лечебной палате, ожидая той самой жестокой «неизвестной судьбы».

Выходит, Ян Шу и доктор Уилл оказались правы — такой исход, как у Ань Цзеле, уже можно было считать благополучным.

Впервые Цюэ Цю почувствовал бессилие. Он даже уже не испытывал разочарования от этого мира, осталась лишь безмолвная усталость.

Он закрыл глаза на мгновение и отпустил Фиго.

— Теперь лучше?

Фиго кивнул, после выплеска эмоций ему стало даже немного неловко. Он быстро вытер слёзы, пушистые тигриные уши застенчиво прижались к голове.

— Да, лучше.

Как ни странно, но, казалось, стоило только приблизиться к Цюэ Цю, как та тревожная эмоция в теле незаметно рассеивалась, и он полностью расслаблялся и успокаивался.

Он тоже проходил ежедневное успокоение и облегчение, но по сравнению с Цюэ Цю, ощущения, которые приносили те омеги, были совершенно иными.

Это непохоже чувство походило на то, будто разочаровавшийся странник, переживший людскую жестокость и вкусивший превратности судьбы, наконец вернулся в объятия матери, чувствуя её тёплое тело и нежные утешения. А все страдания, перенесённые ранее, в этот момент полностью растаяли, словно лёд, и развеялись, как пыль.

Успокоение Цюэ Цю было подобно весеннему дождю — дождь, символизирующий жизнь, который равномерно проливался на бедную и засушливую землю, и с тех пор земля оживала, травы росли, а иволги пели.

Фиго ощущал от Цюэ Цю силу жизни.

Эта сила была полной противоположностью лишению жизни, приносимому генетической болезнью.

Ему хотелось узнать, но он боялся быть навязчивым.

Цюэ Цю заметил его колебания и сам спросил:

— Что такое?

Фиго колебался. Казалось, ему было немного неловко.

Он тихо сказал:

— Только что ты провёл мне феромонное облегчение? Иначе... иначе почему я чувствую себя намного легче, и ментально, и физически?

Цюэ Цю опешил от этих слов. Раньше он передавал духовную силу либо абсолютно заслуживающему доверия Морфу, либо уже лежавшему без сознания Ань Цзеле, забыв, что Фиго пребывал в сознании и в целом был здоров.

Помедлив мгновение, Цюэ Цю покачал головой:

— Ты забыл? Я бракованный омега. Я не могу производить феромоны и не могу проводить ментальное успокоение.

Омеги-целители с растительными генами могли использовать оба метода — ментальное успокоение и феромонное облегчение. Обычные омеги, не прошедшие проверку генетического уровня, могли использовать только феромонное облегчение.

А такие как он, не способные ни производить свои феромоны, ни воспринимать феромоны альфа, — это низший сорт, бракованный омега. Строго говоря, он не мог даже провести феромонное облегчение.

— Что касается того, что ты чувствуешь себя легче, возможно, это потому, что ты рассказал мне глубоко спрятанную тайну, сняв некоторое давление. — Цюэ Цю наскоро придумал причину.

Как только омега закончил говорить, Фиго сразу же понял суть и полностью поверил его словам, тут же пожалев, что снова затронул тему, которая могла огорчить маленького омегу. Он поспешил извиниться:

— Прости, ты помог мне, а я...

— Ничего страшного. И ты, и Тан Бутянь, и Сюй Фэн — на самом деле вам не нужно быть слишком осторожными в моём присутствии. — Цюэ Цю сказал: — Я не фарфоровая кукла, которая разобьётся от одного прикосновения. На самом деле ты должен помнить с тренировочного поля, что ты даже не можешь победить меня.

Теперь Фиго действительно почувствовал стыд — он, альфа уровня А, проиграл хрупкому на вид омеге. Даже если это произошло в состоянии потери контроля, это было совершенно недопустимо.

Всё пропало, теперь он станет посмешищем всей военной академии Тёмной планеты.

Но... если его победил этот омега...

Фиго украдкой взглянул на Цюэ Цю и подумал, что это тоже можно вполне принять.

Альфа-тигр не выдержал и мысленно взвыл к небу. Его круглый полосатый хвост тоже беспокойно вилял, от чего у Цюэ Цю немного рябило в глазах.

Молодой человек не сдержался и ладонью прижал хвост Фиго, выдвинув просьбу, не чрезмерную, но определённо трудную для принятия обычным альфой:

— В качестве платы за выслушивание и утешение, могу я погладить твои уши?

Тигр — всё равно, что большая кошка. Большая кошка тоже кошка, почему же её нельзя

погладить?

Фиго широко раскрыл глаза:

— Я же царь зверей...

Но тело было честнее, чем язык. Он послушно вытянул большую голову, положил подбородок на ладонь Цюэ Цю и поднёс два пушистых красно-жёлтых полосатых уха к его рукам.

— Какие мягкие и упругие. — Цюэ Цю как следует их погладил, с восхищением заметив, что всё-таки млекопитающие с шерстью были приятнее на ощупь.

Альфа-гусеница на груди вдруг открыл бледно-серые глазки-бусинки и, недовольный, ткнул усиками в карман.

Фиго моргнул, тигриные уши тоже шевельнулись в руках Цюэ Цю:

— Твое украшение в виде гусеницы, оказывается, двигается?

Цюэ Цю издал вопросительное «мм?», затем наклонился и предупреждающе взглянул на Морфа, прижал его обратно и невозмутимо произнёс:

— Сегодня ты был слишком истощён. Возможно, тебе просто показалось.

Автору есть что сказать:

Цюцю: Млекопитающие с шерстью самые лучшие для поглаживаний.

Дуань Чэньсэнь, злобно поглядывающий на Фиго: Тебе лучше спать с открытыми глазами.

<http://bllate.org/book/13573/1204617>